

Широкое распространение получил в белорусском языке *j*-протез, вставляемый между гласными в заимствованных словах с целью устранения хиата (зияния): *мемарыял* — *мемориал*, *патрыёт* — *патриот*, *піянер* — *пионер* и мн. др. Реже встречается *g*-протез: *Ганна* — *Анна*, *гайда* — *айда* (междом.), закономерно сохранение исконного *g* в белорусском корреляте *гісторыя* — *история* (<греч. *historia*), в местоимении *гэта* — *это*.

К древнейшим диалектным различиям восходит утрата в белорусском или сохранение в русском языке конечного *j* в позиции после напряженных редуцированных *ы*, *и* в полных формах прилагательных и причастий мужского рода, в некоторых местоимениях, в повелительной форме глаголов. В результате стало возможным появление большого числа коррелятов, различающихся открытым и закрытым конечным слогом: *малады* — *молодой*, *сядзячы* — *сидячий*, *такі* — *такой*, *ні* — *ней* и т. п.

Таким образом, в современных белорусском и русском литературных языках структура слога придает звуковое своеобразие многим однокорневым лексемам. Должное внимание этому важному фактору будет способствовать более полному постижению специфики каждого языка.

¹ См.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 259.

² См.: Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977. С. 139—140.

³ См.: Крывіцкі А. А., Падлужны А. І. Фанетыка беларускай мовы. Мн., 1984. С. 115.

Л. Г. ЯЦКЕВИЧ

СИСТЕМА МОДИФИКАЦИОННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕПОЗИТИВНЫХ МОРФЕМ РУССКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Сложная система модификационных значений имен существительных изучена только частично. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, основное внимание исследователи уделяли стабильной сложившейся системе модификационных значений, выраженных суффиксами, а также отчасти префиксами, префиксоидами и конфиксами. Во-вторых, если система суффиксальных модификационных значений сложилась уже давно, то система модификационных значений, выраженных препозитивными морфемами, еще только складывается. В третьих, модификационные препозитивные морфемы (МПМ) обнаруживают наибольшую активность в устной разговорной речи и в профессиональной сфере, терминологии, поэтому в толковых словарях существительные, включающие в свой состав МПМ, отражены минимально. Сошлемся на авторитетное свидетельство К. С. Горбачевича: «Будем прибавлять приставки *пол-*, *сверх-* и *недо-* к разным существительным, прилагательным и глаголам: *полдороги*, *полдома*, *полгорода*, *полквартиры*, *полкниги*... *сверхмощный*, *сверхскорый*,... *недослушать*, *недоплыть*... и т. д. чуть ли не бесконечно. Могут возразить: многих из этих «придуманных» нами слов нет в словарях. Да, конечно, нет. В целях сокращения объема издания такие потенциальные слова... не помещаются в словари. И это вполне оправданно. Их легко образовать по аналогии, а значение понятно из составляющих частей»¹. Таким образом, определение функционального и структурного статуса МПМ является актуальной темой исследования.

МПМ не однородны в эволюционном и структурно-типологическом отношении. Представляется целесообразным выделить следующие группы МПМ: 1) исконно русские морфемы праславянского происхождения, которые употреблялись в качестве префиксов имен существительных еще в древнерусский период, например, префиксы *па-*, *пра-*, *су-*, *у-* (*ра-, *пра-, *sq-, *q-, соотносительные с глагольными *ро-, *рго-, *съ-, *въ-) ²; в современном русском языке они являются непродуктивными и нере-

гулярными (*прадед, прародина, паужин, пагруздь, сумрак, сутемь, улов, удой*); 2) исконно русские глагольные префиксы, которые расширяют словообразовательные возможности в современном русском языке и получают роль префиксальных формантов в словообразовании имен существительных (*перезаказ, перезащита, призыв, присвист, поднаём, подмена* и др.); 3) префиксоиды, система которых находится в стадии формирования (*сверхгигант, самоконтроль, взаимовлияние, полудикарь, всемогущество* и др.); 4) основы, которые обнаруживают продуктивность в образовании слов и обладают отвлеченным значением, т. е. это повторяющиеся компоненты сложений, приближающиеся к префиксоидам (*новомученик, лженаука, первопричина* и др.); 5) заимствованные префиксы и префиксоиды (*антифашист, асимметрия, денационализация, реэкспорт, контрпредложение, гиперзвук, ультразвук, микроавтобус* и др.); 6) МПМ в составе конфи́ксов, возникающих на базе указанных типов морфем (*суглинок, межсезонье, надбровье, предгрозы* и др.). Интересно отметить, что, несмотря на генетическое разнообразие этих морфем, все они отражают одну эволюционную тенденцию в развитии морфологии и словообразования русского языка — тенденцию к выражению разнообразных модификационных значений, которые не могут быть выражены суффиксами имен существительных.

В «Русской грамматике» указывается 12 модификационных значений префиксов и конфи́ксов существительных³, что далеко не исчерпывает, по нашим данным, всего многообразия возможных у них модификационных значений. Функционально-семантическое своеобразие МПМ может быть выявлено только на фоне общей функционально-семантической системы русской грамматики. Для этого необходимо соотнести семантические функции МПМ с функционально-семантическими полями и их группировками в соответствии с принципами функциональной грамматики, разработанными А. В. Бондарко⁴. Далее на этой основе проводится уточнение и систематизация модификационных значений препозитивных морфем. Выделяются четыре функционально-семантических типа МПМ.

I. МПМ, значения которых соотносительны с группировкой функционально-семантических полей «с предметным (субъектно-объектным) ядром»⁵. Если к этому функциональному типу относится подавляющее большинство модификационных суффиксов (см. суффиксы со значениями женскости, невзрослости, собирательности, единичности, уменьшительности, увеличительности и др.), то префиксы этого типа составляют незначительную часть. Они выражают два противоположных модификационных значения: подчиненность по чину, должности, званию (*подполковник, вице-президент, проректор*) и старшинство по чину, должности, званию (*обер-прокурор, архиепископ, суперинтендант, протоиерей*). Эти значения отражают отношение к социальному статусу лица и являются непродуктивными и нерегулярными.

II. МПМ, значения которых соотносительны с группировкой функционально-семантических полей «с обстоятельственным ядром»⁶. Сюда относятся МПМ с локативными значениями (*предгорье, побережье, переносица, взморье, подглазье, заречье, субтитр* и др.). По мнению А. В. Бондарко, функционально-семантическое поле локативности имеет полицентрическую структуру, так как в роли грамматических базисных компонентов этого поля «выступают предложно-падежные аналитические формы и конструкции, обстоятельственные локативные компоненты простых предложений, сложноподчиненные предложения с придаточными места»⁷. Думается, что, кроме синтаксических базисных компонентов полицентрического поля локативности, следует выделить и морфологический центр — систему препозитивных локативных морфем (префиксов и префиксоидов), а также конфи́ксов, на основе которых формируются продуктивные деривационные модели различных частей речи, в том числе и существительных.

III. Наиболее многочисленную группу составляют МПМ, значения которых соотносительны с группировкой функционально-семантических

полей «с акциональным (предикативным) ядром»⁸. А. В. Бондарко выделяет в этой группировке три комплекса ФСП: 1) комплекс ФСП аспектуально-темпоральных отношений, 2) комплекс ФСП модально-бытийных отношений, 3) комплекс ФСП акционально-субъектных и акционально-объектных отношений. Рассматриваемые нами МПМ включаются, на наш взгляд, в ФСП всех трех указанных выше комплексов. Однако существенно то, что модификационные значения препозитивных морфем имен существительных характеризуют не актуальную предикативность глаголов-сказуемых или высказываний в целом, а свернутую, имплицитную предикативность субстантивов, которые, как правило, являются результатом номинализации сказуемого или всего высказывания. Поэтому семантические функции указанных выше функционально-семантических комплексов получают своеобразное преломление в значении МПМ. Далее рассматриваются функционально-семантические подсистемы МПМ.

МПМ выражают следующие аспектуально-темпоральные значения: а) темпоральные значения, отражающие порядок следования событий или период существования предмета относительно события или предмета, названного исходным существительным: предшествование чему-нибудь, кому-нибудь (*вечер*→*предвечерье*, *зима*→*предзимье*, *ренессанс*→*проторенессанс*, *тема*→*прототема*, *история*→*предыстория*), следование после чего-нибудь, кого-нибудь (*франкизм*→*послефранкизм*, *импрессионизм*→*постимпрессионизм*), одновременность, временная совмещенность (*размышление*→*соразмышление*, *причина*→*сопричина*, *охотник*→*соохотник*, *эволюция*→*коэволюция*); б) темпоральные значения, отражающие фазовые характеристики события или процесса, состояния, существования: начало, первичность, новизна чего-кого-нибудь (*младочехи*←*чехи*, *гегелианцы*→*младогегелианцы*, *житель*→*первозжитель*, *открытие*→*первооткрытие*, *зима*→*первозимье*, *стройка*→*новостройка*, *поселенец*→*новопоселенец*), бывшее, старое, завершившееся во времени (*финн*→*старофинн*, *чех*→*старочех*, *река*→*староречье*, *чемпион*→*экс-чемпион*, *писатель*→*экс-писатель*, *диктатор*→*экс-диктатор*); в) темпоральные значения, отражающие характер длительности событий, обозначенных исходными существительными: продолжительность (*долготерпение*, *долгожитель*, *долголетие*), краткость, ограниченность во времени (*блицтурнир*, *блицвойна*, *мини-матч*, *мини-турнир*, *микроматч*, *микротурнир*); г) темпорально-таксисные значения, отражающие отношения между двумя событиями, ситуациями или состояниями: дополнительность одного действия относительно однородного с ним другого действия (*зарядка*→*подзарядка*, *проверка*→*допроверка*, *очистка*→*доочистка*), побочность одного действия относительно однородного с ним другого действия (*звук*→*призвук*, *свист*→*присвист*, *вкус*→*привкус*, *голос*→*отголос*, *звук*→*отзвук*), промежуток времени между двумя событиями или периодами (*сезон*→*межсезонье*, *власть*→*межвластие*), повторность, возобновление действия, состояния (*выборы*→*перевыборы*, *защита*→*перезащита*, *анализ*→*реанализ*, *адаптация*→*реадаптация*). Таким образом, в значениях МПМ рассматриваемого типа пересекаются семантические функции трех ФСП: темпоральности, аспектуальности и таксиса. Модификационные значения МПМ близки к значениям способов глагольного действия. В связи с этим следует указать, что существительные, образованные от префиксальных глаголов, сохраняют обычно их аспектуальную семантику, выраженную префиксами (*доплатить*→*доплата*, *перерасходовать*→*перерасход*, *просмотреть*→*просмотр*). Именно подобные существительные и послужили образцом для образования существительных способом префиксации.

Модальные значения, выражаемые МПМ, также разнообразны. Если модальные значения коммуникативных единиц соотносительны с предикацией, то модальные оценки, выражаемые МПМ существительных, соотносительны с субстантивной номинацией и поэтому имеют свою специфику. Основным стержнем, пронизывающим

систему модальных значений, является категория отрицания. Как известно, отрицание как семиотическая категория выражает «отсутствие объективной связи»⁹. Если на коммуникативном уровне отрицание так или иначе соотносится с предикативными отношениями, то на номинативном уровне отрицание соотносительно с отношениями тождества (или отождествления). В основе модальных значений префиксов и префиксоидов существительных лежит сопоставление обозначаемых явлений и установление степени их тождества или различия. Представляется возможным выделить четыре семантические подсистемы МПМ: а) МПМ со значением неполного тождества (*полудикарь, полупролетарий, полусущество, полусон, паклён, падуб, парагрипп, суслинок*), б) МПМ со значением мнимого тождества (*псевдокультура, псевдореализм, квазиспециалист, лжесоциалист, лжеучитель, лжеученость*), в) МПМ со значением полного отрицания тождества (*непорядок, нелюбовь, неправда, неэстонец, непоэт*), г) МПМ со значением противоположности (*беспорядок, безучастие, антивирус, асимметрия, демобилизация, дисгармония, контрудар, противодействие, резвакуация*). Таким образом, модальные значения имен существительных концептуально не соотносятся с модальными значениями предикативных единиц. Это различные семиотические реализации идеи отрицания.

Залоговые значения, отражающие отношения действия к субъекту и объекту, также выражаются предикативными существительными с помощью МПМ, но эти значения не так разнообразны, как аспектуально-темпоральные и модальные, рассмотренные выше. По нашим данным, это три значения: а) взаимность действий двух или нескольких субъектов (*взаимопроверка, взаимосближение, взаимопонимание*), б) возвратность (*самооценка, самодисциплина, самомассаж, автокомментарий, автоирония*); в) произвольность, бессубъектность действия (*самоорганизация, самоизлечение, самопрограммирование*).

IV. Особый семантический тип составляют МПМ, значения которых соотносительны с группировкой ФСП «с к в а л и т а т и в н о - к в а н т и т а т и в н ы м я д р о м»¹⁰. Модификационные значения МПМ включаются в следующие подсистемы: а) значения размерности: малый — средний — большой (*микрорельеф — мезорельеф — макрорельеф, мини-автобус, макромолекула, микродоза, макси-пальто*); б) значения, отражающие отношение к целостности объекта: единый, нечленимый объект (*моноблок, монокристалл, монорельс*), половина, вычленяемая из целого (*полведро, полдома, полкуска, полквартиры*); в) значения, отражающие степень проявления чего-либо: незначительная степень проявления (*полгоря, микроинфаркт, прожельть*), неполнота, недостаточность действия (*недовложение, недозакладка*), максимальная степень проявления (*раскрасавец, сверхоптимизм, суперинфекция, макрокоррозия, ультра-реакционер, архиплут, всемогущество*).

Итак, по функционально-семантическому содержанию МПМ значительно отличаются от модификационных значений суффиксов существительных, и, за редким исключением, их значения не пересекаются. Это обусловлено тем, что модификационные значения суффиксов, как правило, соотносятся с ФСП с предметным ядром, а модификационные значения префиксов, префиксоидов и конфиксов связаны с ФСП, в центре которых находятся грамматические категории не существительных, а других частей речи — глагола и прилагательного (категории вида, времени, залога, степеней сравнения). Модификационные значения препозитивных морфем выявляют скрытую предикативность субстантивов и свидетельствуют о развитии вторичного эволюционного пласта в морфологии имен существительных. Эта «вторичная» морфология отличается от «первичной» не только функционально-семантической ориентацией (предикативной, акциональной), но и структурно. Все предикативно ориентированные модификационные значения существительных выражаются с помощью препозитивных морфем и конфиксов, в то время как первичная морфология существительных связана

с постпозитивными морфемами — суффиксами и флексиями. Структурно-типологические особенности МПМ требуют специального изучения.

¹ Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1981. С. 20.

² См.: Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 302—303, 161; Цейтлин Р. М. К вопросу о значениях применной приставки *па-* в славянских языках // Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1954. Т. 9. С. 205; Лопатин В. В. Об именном префиксе *пра-* в русском языке // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 245.

³ См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 265.

⁴ См.: Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ Там же.

⁹ Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.

¹⁰ Бондарко А. В. Указ. раб. С. 41.

Т. Г. МИХАЛЬЧУК

**ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПОВТОРА
ЧУЖОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
СО ЗНАЧЕНИЕМ СОГЛАСИЯ-НЕСОГЛАСИЯ
И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 20-Х ГОДОВ**

Согласие-несогласие (СН) в русском языке передается различными способами. Первый способ заключается в повторе «подтверждаемого» или «отрицаемого» вслед за собеседником с использованием модального переключателя¹. Форма высказывания СН создается с учетом функции и формы исходной реплики.

Непринужденный разговор почти всегда включает в себя повтор как конструктивный элемент диалога. Н. Ю. Шведова выделила 12 основных лексико-семантических типов реплик-повторов, среди которых: собственно повторы, не осложненные никакими добавочными словесными элементами; повторы с наречными частицами (**зачем, прямо уж**), с местоименными частицами, с союзными частицами и др.²

Повтор чужого высказывания бывает полным и неполным. Полный повтор — сравнительно редкое явление. Он используется для передачи дополнительной коммуникативно-стилистической функции, а также является признаком официального общения.

Приведем примеры полного повтора-согласия (безапелляционного согласия): (Председатель:) Скажи курьеру, чтобы за ним следом шел, до самого дома довел.— (Матрос:) **Есть до самого дома!** (В. Билль-Белоцерковский. Штурм). Ср. полный повтор с шутливым оттенком: (Татьяна:) Ксения! Придержи язык!— (Ксения:) **Есть! Приказано удержать язык!** (Б. Лавренев. Разлом).

В художественных произведениях полный повтор используется для усиления акцентирования мысли, категоричности, эмоциональности высказывания, например: (Первый голос:) Значит, вы не родня Карлу Марксу? — (Горностаев:) **Нет, не родня Карлу Марксу** (К. Тренев. Любовь Яровая). (Любовь:) Вам лучше знать.— (Панова:) **Нет, уж вам лучше знать** (там же).

Ввиду действующей тенденции к экономии речи чаще используется неполный повтор, т. е. говорящий в ответной реплике ограничивается повтором лишь коммуникативно-значимой части подтверждаемого или отрицаемого. Энергичен сокращенный повтор, построенный на интенсификаторах или акцентуаторах, например:— Ну, этих ведь мало? — **Мало.**